

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/litzhur/2022.57.04

А.М. Ранчин

© Ранчин А.М., 2022

О ГЕНЕЗИСЕ ОДНОГО ЭПИЗОДА «ВОЙНЫ И МИРА» И О ПОЭТИКЕ КНИГИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассматривается вероятный генезис эпизода с ампутацией ноги Анатолю Курагину в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Указано, что стимулами к созданию этой сцены могли послужить сочинения братьев С.Н. и Ф.Н. Глинок о войне 1812 г. и о Бородинском сражении. На примере сопоставления их произведений с книгой Л.Н. Толстого показано, как автор «Войны и мира» деэстетизирует и дегероизирует войну, показывая боль и страдания. В отличие от приверженных традиционной батальной поэтике авторов произведений о войне 1812 г. Толстой исходит из представлений о естественном поведении человека и придает эпизоду психологическое измерение, описывая происходящее с точки зрения князя Андрея Болконского. Сюжетная поэтика «Войны и мира» связана с установками так называемого реалистического романа и существенно отличается от сюжетного построения, характерного для традиции западноевропейского и русского исторического романа.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; «Война и мир»; генезис; С.Н. Глинка; Ф.Н. Глинка; батальная поэтика; точка зрения; психологизм.

Получено: 20.04.2022

Принято к печати: 15.05.2022

Информация об авторе: *Ранчин* Андрей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: Ранчин А.М. О генезисе одного эпизода «Войны и мира» и о поэтике книги Л.Н. Толстого // Литературоведческий журнал. 2022. № 3(57). С. 54–70. DOI: 10.31249/litzhur/2022.57.04

Andrei M. Ranchin

© Ranchin A.M., 2022

ON THE GENESIS OF ONE EPISODE IN *WAR AND PEACE* AND ABOUT THE POETICS OF L.N. TOLSTOY'S BOOK

Abstract. The article discusses the probable genesis of the episode with the amputation of Anatol Kuragin's leg in *War and Peace* by L.N. Tolstoy. It is indicated that this episode may be connected with the writings of brothers S.N. and F.N. Glinka about the war of 1812 and the Battle of Borodino. The comparison of the brothers' works to the book of L.N. Tolstoy shows that the author of *War and Peace* denies to esthetize and glorify war by showing pain and sufferings. Unlike the authors who adhere to traditional battle poetics in their texts about the war of 1812, Tolstoy proceeds from the idea of a person's natural behavior and gives the episode a psychological dimension describing what's going on from the point of view of Prince Andrei Bolkonsky. The plot poetics of *War and Peace* is connected with the settings of the so-called realistic novel and differs significantly from the plot construction which is typical for the West European and Russian historical novel.

Keywords: L.N. Tolstoy; *War and Peace*; genesis; Sergei N. Glinka; Fedor N. Glinka; battle poetics; point of view; psychology.

Received: 20.04.2022

Accepted: 15.05.2022

Information about the author: *Andrei M. Ranchin*, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1st building of humanitarian faculties, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, 119991, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

For citation: Ranchin, A.M. "On the Genesis of One Episode in *War and Peace* and About the Poetics of L.N. Tolstoy's Book". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(57), 2022, pp. 54–70. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.57.04

Среди исторических источников «Войны и мира», как известно, были книги двух братьев литераторов Сергея Глинки и Федора Глинки. Книга С.Н. Глинки «Записки о 1812 годе» (1836) была приобретена Толстым в числе первых исторических сочине-

ний еще 15 августа 1863 г.¹, а сочинение Ф.Н. Глинки «Очерки Бородинского сражения: (Воспоминания о 1812 годе)» автор «Войны и мира» читал в публичной библиотеке². Толстой был внимательным читателем обоих произведений: в случае с «Записками...» С.Н. Глинки об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные закладки и загнутые листы в экземпляре, сохранившемся в яснополянской библиотеке³. К «Запискам...» восходит ряд фрагментов книги, в том числе описание приема Александра I московским дворянством и купечеством в Слободском дворце⁴; из сочинения его брата создатель эпопеи мог заимствовать, например, упоминания об облачении русских воинов перед этой битвой в чистые рубахи (том 3, часть 2, глава XXV, реплика Бориса Друбецкого, обращенная к Пьеру Безухову в присутствии Кутузова) и об отказе солдат накануне Бородинского сражения пить водку (том 3, часть 2, глава XXV, слова майора Тимохина, адресованные князю Андрею Болконскому)⁵.

В описании событий, предшествовавших Бородинскому сражению и произошедших во время самой битвы, оба брата Глинки упоминают о приведших к ампутации ноги тяжелых ранениях участников из командного состава русской армии. У С.Н. Глинки, который лично не был под Бородином, рассказывается о героическом, самоотверженном поведении генерал-майора Донских войск Ивана Кузмича Краснова, смертельно раненного под Колоцким монастырем: «Умиравший герой, увидя внука своего, *Есаула Гладкова*, недавно прибывшего с Дона, с ласкою сказал: *и ты здесь; очень рад; ты будешь мне нужен*. В стенах монастыря тот час отыскивали лекаря. Но раненая нога была так раздроблена и измята, что невозможно было перевязать» [2, с. 183]. Изувеченный ведет себя мужественно, преодолевая страшную боль и думая

¹ Сохранился счет с перечнем приобретенных книг, в котором имеется упоминание о сочинении С.Н. Глинки. См. об этом в комментарии Э.Е. Зайдешнур и Н.С. Родионова [9, т. 16, с. 152].

² См. об этом: [1, с. 34].

³ См. об этом: [1, с. 41, 42].

⁴ Ср. сопоставительный анализ эпизодов из «Войны и мира...» и из «Записок о 1812 годе» [1, с. 144–145]. Примеры заимствований из сочинения С.Н. Глинки см. также в комментариях Л.И. Соболева [8, с. 176, 177, 179, 192].

⁵ Источник указан в комментариях Л.И. Соболева [8, с. 199, 201].

лишь об исходе стычки с французами: «Раненый Краснов страдал и терпел. Один только раз, несколько поморщась, сказал *Гладкову*, который поддерживал его голову: *скоро ли это кончится?* “Скоро!” отвечал *Гладков*. – *А нога где?* Внук замолчал. На окровавленном ковре перенесли *Краснова* в квартиру *Баркляя-де-Толли*.

Между тем пушки гремели непрестанно. Как будто бы пробуждаясь от тяжкого сна, умирающий герой спрашивал: *что делают наши?* – *Гладков* отвечал: *дерутся*. – *Кто кого бьет?* – *Наши!* – *Хорошо ли? Как русские!* Вдруг гусарский офицер вбежал в комнату с ложною вестью и сказал: *Даву убит! Слава Богу!* воскликнул *Краснов*: *он был злой человек!* “Приподнимите меня, продолжал он: я сам хочу посмотреть, что делают наши”. Ему отвечали: *наши бьют Французов*. – *Слава Богу! Дай Бог!* Тут хотел он перекреститься; но правая рука уже была неподвижна. *Краснов* скончался через четырнадцать часов после раны. Внук препроводил тело его в Москву. Погребение происходило 27 числа, когда носились неясственные слухи о кровавой битве Бородинской. Народ отовсюда (так! – *А. П.*) стекался в Донской монастырь, где отпевали *Краснова* и где предан земле прах его. Вместе с ним сходили в могилу и последние дни Москвы; которой на поле Бородинском принесена была душою и кровию Русскою последняя за нее жертва» [1, с. 184–185]⁶.

Младший брат Федор присутствовал при Бородине и лично участвовал в сражении. Тем не менее упоминание об увиденной им ампутации ноги у раненого знакомого Ф.Н. Глинка в отличие от Сергея не развернул в подробное повествование, ограничившись лишь названием этого события: «Около 4-х часов по полудни я находился за последним резервом, где перевязывали раненых. Я проводил раненого брата и был свидетелем, как пилили ногу Алексею Николаевичу Бахметьеву» [2, ч. 2, с. 11].

Оба фрагмента, несомненно прочитанные Толстым, заставляют вспомнить о сцене отрезания ноги раненому Анатолию Курагину, свидетелем которой становится князь Андрей (том 3, часть вторая, глава XXXVII). Конечно, их сходство со сценой из «Войны и мира» поверхностное и может даже показаться случайным: сов-

⁶Здесь и далее все курсивы в цитатах принадлежат авторам соответствующих текстов. При цитировании сохранены некоторые особенности орфографии и пунктуация оригинала.

падают лишь такие детали, как ранение непосредственно перед или во время Бородинского сражения, отрезание военным медиком ноги раненому офицеру, у старшего Глинки и Толстого – также просьба раненого показать ампутированную ногу, у младшего Глинки и автора «Войны и мира» – присутствие наблюдателя (мемуариста и князя Андрея, соответственно). Впрочем, и это немало. Однако утверждать, что эта сцена была навеяна сочинениями Сергея или Федора Глинки, конечно, нельзя. Потеря ноги в результате ранения на поле боя – случай отнюдь не редкий, и для создания эпизода с Анатолом вовсе не обязательно было читать какие-либо сочинения из истории войны двенадцатого года. Комментатор «Войны и мира» Л.И. Соболев заметил по поводу некоторых других случаев переключки между мотивами и деталями толстовской книги и знакомыми ее создателю историческими источниками: «<...> привязывать все реалии книги к источникам было бы неверно: скажем, *Радожницкий* <...> рассказывает о своем сне, в котором он собирается убить Наполеона (подобный сон видел и А.С. Фигнер, который, как сообщает *Давыдов* <...>, вызывался убить императора французов); было бы некорректно выводить из этого источника намерение Пьера Безухова убить французского императора – Толстому едва ли нужна здесь чья бы то ни было подсказка. Или еще пример: *Рязанцев* <...> описывает “господина в белой пуховой шляпе с широкими полями и низкой тульей” – возможно, белая шляпа Пьера, отправившегося на Бородинское поле, – шляпа, привлекающая всеобщее внимание, – попала в книгу именно отсюда – но, конечно, это невозможно доказать» [8, с. 6]. А ведь в сравнении с белой шляпой некоего господина и головным убором Пьера сходство фрагментов из сочинений Сергея и Федора Глинок и книги Толстого выглядит на первый взгляд несколько призрачным, а его констатация – едва ли не натяжкой. Категорично возводить к ним генезис эпизода из «Войны и мира» было бы опрометчиво.

И однако же в действительности все намного сложнее. Можно допустить, что сцена была задумана Толстым независимо от слегка похожих фрагментов в книгах Сергея и Федора Глинок. В конце концов, наказание развратного себялюбца Анатоля увечьем и смертью соответствовало замыслу писателя покарать нелюбимое семейство Курагиных, пресечь их род на корню: из

детей князя Василия умирают Анатолий и Элен, остается лишь полудидот Ипполит. Впрочем, поскольку сочинения обоих братьев автор «Войны и мира» внимательно читал, причем с книгой старшего из них познакомился еще на относительно ранней стадии своей работы, отрицать их роль как стимулов к созданию этой сцены тоже нельзя. Весьма вероятно, ее генезис именно таков. Как и во многих других фрагментах толстовского произведения, в описании сцены с ранеными в палатке Толстой воспользовался свидетельством еще одного исторического источника: описание раненого татарина-казака является почти точной раскавыченной цитатой из 1-й части «Походных записок артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И<льи> Р<адожицкого>» (1835)⁷. Нельзя исключить, что весь фрагмент создан автором «Войны и мира» посредством метода «ножниц и клея», постоянно используемого им при изображении исторических событий, когда тот или иной эпизод монтируется из готовых описаний или повествований, заимствуемых из разных источников, с разной степенью их трансформации⁸. Конечно, если и в случае с ампутацией ноги Курагина использованы свидетельства нескольких исторических сочинений, рассказ Сергея Глинки или краткое известие его брата не просто смонтированы с фрагментом, почти дословно взятым из Радожицкого, а являются побудительными мотивами к написанию вполне самостоятельной сцены.

Известно несколько примеров в «Войне и мире», традиционно признаваемых восходящими к свидетельствам исторических источников, хотя сходство в этих случаях довольно поверхностное, и Толстой мог вполне самостоятельно создать эти эпизоды или мотивы. Так, сцену с ранением на Аустерлицком поле князя Андрея, подхватившего знамя и увлекшего за собой солдат, принято возводить к сообщению о поступке князя П.М. Волконского⁹. Между тем в отличие от толстовского героя его возможный прототип ранен не был и смог отбить две пушки у неприятеля. Но писатель мог отталкиваться и от другого события – аналогичного поступка кутузовского флигель-адъютанта и зятя

⁷ См. соответствующий фрагмент из мемуаров в комментариях Л.И. Соболева [8, с. 213].

⁸ См. об этом методе в «Войне и мире» [10].

⁹ Ср., например: [10, с. 138–139].

графа Ф.И. Тизенгаузена, со знаменем в руках убитого французской пулей¹⁰. Несомненно, для создания эпизода ранения героя, поднявшего знамя и пытавшегося увлечь за собой оробелых солдат, писателю не надо было обращаться к источникам: его можно было просто придумать. Мотив пребывания штатского человека, графа Пьера Безухова, на Бородинском поле принято возводить к истории из жизни князя П.А. Вяземского, участвовавшего в Бородинском сражении¹¹. Тот факт, что Вяземский поступил в ополчение и в сражении был не в штатской одежде, нелепо выглядевшей в бою, а в ополченском мундире, нимало не мешает считать князя прототипом толстовского героя. А ведь прийти к мысли сделать своего любимого персонажа участником Бородинской баталии писатель мог и независимо от известия из прочитанного Толстым письма М.А. Волковой, адресованного В.И. Ланской, в котором рассказывалось о Вяземском.

Размышляя о генезисе сцены ампутации ноги Анатоля, мы пускаемся в область догадок и фантазий, относящуюся не к филологическим штудиям, а к психологии творчества. Интереснее иное: даже если Толстой и замыслил эту сцену самостоятельно, он не мог не заметить ее сходства, пусть и поверхностного, с известиями из сочинений Сергея и Федора Глинок. Но мотив отрезания ноги тяжелораненому офицеру решен автором «Войны и мира» совсем иначе. Для понимания своеобразия толстовской поэтики тексты братьев Глинок значимы как контрастный фон, как отвергнутые Толстым возможности изобразить поведение тяжело раненных. Вчитаемся в описание этого события в «Войне и мире»: «В палатке было три стола. Два были заняты, на третий положили князя Андрея. Несколько времени его оставили одного, и он невольно увидал то, что делалось на других двух столах. На ближнем

¹⁰ Оба подвига упомянуты в «Описании первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году» (1844) – одном из источников «Войны и мира». См.: [8, с. 75]. Тот факт, что в набросках «Войны и мира» героя звали Волконским (см. их анализ в работе: [4, с. 159–163]), как будто бы свидетельствует о П.М. Волконском как о его прототипе. Однако выбор фамилии для Толстого был значим прежде всего потому, что к этому княжескому роду принадлежала его мать и ее предки. Кроме того, толстовский Волконский в ранних редакциях при Аустерлице погибал, что соотносит его скорее с Тизенгаузенем.

¹¹ Ср., например: [10, с. 125–126].

столе сидел татарин, вероятно казак, судя по мундиру, брошенному подле. Четверо солдат держали его. Доктор в очках что-то резал в его коричневой, мускулистой спине.

– Ух, ух, ух!... – как будто хрюкал татарин, и вдруг, подняв кверху свое скуластое, черное, курносое лицо, оскалив белые зубы, начинал рваться, дергаться и визжать, пронзительно-звонящим, протяжным визгом».

Приведенный выше фрагмент, как уже было сказано, взят из мемуаров Радожицкого. Далее следует созданное уже непосредственно Толстым описание Анатоля Курагина: «На другом столе, около которого толпилось много народа, на спине лежал большой, полный человек с закинутой назад головой (вьющиеся волосы, их цвет и форма головы показались странно-знакомы князю Андрею). Несколько человек фельдшеров навалились на грудь этому человеку и держали его. Белая, большая, полная нога быстро и часто, не переставая, дергалась лихорадочными трепетаниями. Человек этот судорожно рыдал и захлебывался. Два доктора молча – один был бледен и дрожал – что-то делали над другою, красною ногой этого человека».

Далее следует изображение реакции Болконского на увиденное, никак не зависящее от исторических свидетельств: «Управившись с татаринном, на которого накинули шинель, доктор, в очках, обтирая руки, подошел к князю Андрею.

Он взглянул в лицо князя Андрея и поспешно отвернулся.

– Раздеть! Что стоите? – крикнул он сердито на фельдшеров.

Самое первое далекое детство вспомнилось князю Андрею, когда фельдшер торопившимися засученными руками расстегивал ему пуговицы и снимал с него платье. Доктор низко нагнулся над раной, ощупал ее и тяжело вздохнул. Потом он сделал знак кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознание. Когда он очнулся, разбитые кости бедра были вынуты, клоки мяса отрезаны, и рана перевязана. Ему прыскали в лицо водою. Как только князь Андрей открыл глаза, доктор нагнулся над ним, молча поцеловал его в губы и поспешно отошел.

<...>

Около того раненого, очертания головы которого казались знакомыми князю Андрею, суетились доктора; его поднимали, успокоивали.

– Покажите мне... Ооооо! о! ооооо! – слышался его прерываемый рыданиями, испуганный и покорившийся страданию стон. Слушая эти стоны, князь Андрей хотел плакать. Оттого ли, что он без славы умирал, оттого ли, что жалко ему было расставаться с жизнью, от этих ли невозвратимых детских воспоминаний, оттого ли, что он страдал, что другие страдали и так жалостно перед ним стонал этот человек, но ему хотелось плакать детскими, добрыми, почти радостными слезами.

Раненому показали в сапоге с запекшеюся кровью отрезанную ногу.

– О! Ооооо! – зарыдал он как женщина. Доктор, стоявший перед раненым, загоразивая его лицо, отошел.

– Боже мой! Что́ это? Зачем он здесь? – сказал себе князь Андрей».

В тяжелораненом Болконском страдания недавнего врага рождают сострадание и милосердную любовь – чувства, становящиеся для него экзистенциальным откровением: «В несчастном, рыдающем, обессилевшем человеке, которому только что отняли ногу, он узнал Анатоля Курагина. Анатоля держали на руках и предлагали ему воду в стакане, края которого он не мог поймать дрожащими, распухшими губами. Анатолий тяжело всхлипывал. “Да, это он; да, этот человек чем-то близко и тяжело связан со мною”, – думал князь Андрей, не понимая еще ясно того, что́ было перед ним. “В чем состоит связь этого человека с моим детством, с моею жизнью?” – спрашивал он себя, не находя ответа. И вдруг новое, неожиданное воспоминание из мира детского, чистого и любовного, представилось князю Андрею. Он вспомнил Наташу такую, какою он видел ее в первый раз на бале 1810 года, с тонкою шеей и тонкими руками, с готовым на восторг, испуганным, счастливым лицом, и любовь и нежность к ней еще живее и сильнее чем когда-либо проснулись в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между им и этим человеком, сквозь слезы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь

Андрей вспомнил все, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не мог удерживаться более и заплакал нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями.

“Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам, да, та любовь, которую проповедывал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!”» [9, т. 11, с. 256–258].

В отличие от Сергея Глинки, описывающего действия умирающего генерала Краснова объективно, внелично – вне психологической точки зрения какого-либо наблюдателя, и Федора Глинки, представленного в роли наблюдателя бесстрастного, Толстой изображает мучения Анатоля в восприятии сострадающего ему князя Андрея. Перед нами один из обычных для Толстого случаев, описанных В.Б. Шкловским: «<...> очень большое количество событий у Толстого “передается через героя”. Этот герой нужен Толстому для непонимания событий. Он и воспринимает обычно события по-особенному» [10, с. 109]. Писатель показывает в качестве неизбежной дани, приносимой войне, страдания, инвалидность, мучительную смерть. Толстовской батальной поэтике абсолютно чужда эстетизация войны, а сами войны трактуются писателям как явление абсурдное и противное человеческой природе. Для кампании Двенадцатого года делается отчасти исключение, как для войны оборонительной. Однако в принципе, с высшей, абсолютной, точки зрения любая война для автора «Войны и мира» – преступление. Вспомним строки, завершающие описание Бородинской битвы: «Над всем полем, прежде столь весело-красивым, с его блестящими штыками и дымами в утреннем солнце, стояла теперь мгла сырости и дыма, и пахло странною кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнуренных, и на сомневающих людей. Как будто он говорил: “Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?”»

Измученным, без пищи и без отдыха, людям той и другой стороны начинало одинаково приходиться сомнение о том, следует

ли им еще истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание, и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: “Зачем, для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, делайте, что хотите, а я не хочу больше!” Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать куда попало» (том 3, часть вторая, глава XXXIX [9, т. 11, с. 263–264]).

В отличие от Сергея Глинки, изображающего эффектно-героическое поведение генерала Краснова и в противоположность Федору Глинке, не усматривающему в потере ноги раненым Бахметьевым ничего трагического и даже просто по-настоящему значимого¹², Толстой дважды (на примерах татарина и Курагина) показывает некрасивость и даже уродство войны. Поведение нарциссически самовлюбленного Курагина в изображении Толстого может показаться малодушным и истеричным, однако замысел писателя заключался, по-видимому, в другом: показать естественную реакцию искалеченного человека на боль и потерю части своего тела. Не случайно князь Андрей, который держится иначе, но тоже без эффектного героизма, свойственного Краснову у Сергея Глинки, испытывает к Анатолию не презрение, а сострадание. Князь Андрей не кричит, не корчится от боли, не плачет. Однако и он, впустивший в себя собственные и чужие боль и страдания, в противоположность глинковскому генералу думает отнюдь не об исходе сражения.

Хотя поведение Краснова, очевидно, не было измышлено Сергеем Глинкой и соответствовало героическим нормам, на которые ориентировались русские офицеры изображаемой эпохи, для Толстого – приверженного естественности человека другого времени – эффектный героизм фальшив, и его изобличению в позерстве или неправдоподобии посвящены многие страницы «Войны и

¹² В чуждой Толстому батальной эстетике инвалидность могла оцениваться как знак отличия, способный вызывать зависть. Ср. замечание Пушкина в черновике письма от первой половины марта 1821 г., видимо обращенном к В.Л. Давыдову, о князе Александре Ипсиланти – одном из предводителей греческого восстания, генерале русской службы, лишившемся руки в битве при Лейпциге в 1813 г.: «28 лет, оторванная рука, цель великодушная! – завидная участь» [5, с. 23]. Разительный контраст: у Толстого лишившийся руки капитан Тушин умирает в смрадном госпитале (том 2, часть вторая, глава XVIII).

мира»¹³. Автор «Войны и мира», несомненно заметивший сходство своего замысла описать ампутацию ноги раненому Анатолю с фрагментами книг Сергея и Федора Глинок, сознательно отказался и от героики, и от нейтрального тона.

Что касается книги Федора Глинки, то отличия от нее «Войны и мира» в описании Бородинской битвы не менее, а даже более разительны, но ярко проявляются в других фрагментах. Толстому совершенно не свойственна эстетизация сражения, которое у Глинки одновременно ужасно и величественно, прекрасно, причем прекрасно именно своим ужасом. Эстетизация присутствует, например, в таком описании: «во рвах, перелесках, у подножия укреплений и на плоских промежутках низменностей полки, колонны, батальоны и толпы рассеянные строились, двигались, смыкались и, как волны, с одного края на другой переливались: ядра, картечь и гранаты, взвиваясь, издавая рассыпчатый визг и, лопнув, вспыхивая синеватым огнем, то пронизывали насквозь сжатые строи, то шипели, несясь по головам и срывая их вихрем полета своего, то, с хлоптанием пронося смерть над самыми головами и изменяя своеобычно полет свой, с высоты на высоту перелетали» [3, ч. 2, с. 57]. У автора «Войны и мира» таких картин нет.

Не менее показательны, что Глинка в противоположность Толстому Наполеона не только не развенчивает (автор же «Войны и мира» его разоблачает – в том числе в буквальном смысле, показывая неприглядный утренний туалет перед Бородинским сражением). Автор «Очерков Бородинского сражения» использует наполеоновскую метафору битвы как шахматной игры: «Теперь, когда уже на роковой шахматной доске Бородинского поля расставили мы все шашки и внимательно рассмотрели положение линий и предстоящие ходы обеих сторон, прежде, чем перейдем к рассказу о великой битве, представим еще читателю беглый панорамический взгляд на местность и некоторые моменты сражения» [3, ч. 1, с. 49].

Автор «Войны и мира» приводит эту метафору в реплике самого французского полководца: «Вернувшись после второй озабоченной поездки по линии, Наполеон сказал:

– Шахматы поставлены, игра начнется завтра» (том 3, часть вторая, глава XXIX, [9, т. 11, с. 222]).

¹³ См. об этом подробнее: [6, с. 115–130].

Эту же метафору он подвергает иронической трактовке в диалоге Пьера и князя Андрея о французском императоре: «— Однако, говорят, он искусный полководец, — сказал Пьер.

— Я не понимаю, что такое значит искусный полководец, — с насмешкой сказал князь Андрей.

— Искусный полководец, — сказал Пьер, — ну тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника.

— Да это невозможно, — сказал князь Андрей, как будто про давно решенное дело.

Пьер с удивлением посмотрел на него.

— Однако, — сказал он, — ведь говорят же, что война подобна шахматной игре.

— Да, — сказал князь Андрей, — только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и еще с тою разницей, что конь всегда сильнее пешки, и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна. Поверь мне, — сказал он, — что ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в полку, вот с этими господами, и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции.

— А от чего же?

— От того чувства, которое есть во мне, в нем, — он указал на Тимохина, — в каждом солдате» (том 3, часть вторая, глава XXV, [9, т. 11, с. 206–208]).

Но вернемся к сцене в палатке врачей. Возможный генезис эпизода с Анатолом Курагиным показателен еще в одном отношении. Встреча князя Андрея с Анатолом происходит случайно и не проистекает из внутренней логики конфликта (Болконский желал убить на поединке Курагина, намеревавшегося увезти его невесту Наташу Ростову). Писатель словно «пассивно», как за явлениями самой жизни, следует за свидетельствами источников, быть может, натолкнувших его на мысль описать ампутацию ноги Анатолю на Бородинском поле («Когда б вы знали, из какого сора» — это не

только о стихах). Такой метонимический принцип введения новых событий, новых эпизодов характерен для так называемого реалистического романа¹⁴ и не был свойствен предшествующей «Войне и миру» традиции исторической романистики, восходящей к сочинениям Вальтера Скотта. События в остросюжетных, авантурных романах вальтер-скоттовского типа¹⁵ и, шире, в романтических исторических романах строились как развертывание исходной ситуации и заданных ею конфликтов. Неожиданные события (встречи, узнавания тайны) меняли расстановку, персонажей, но не примыкали к предыдущим по принципу метонимии, словно заключенному в самой жизни. Так, в «Айвенго» ход событий определяется страстью Бриана де Бугильбера к прекрасной Ровене и интригами принца Джона против короля Ричарда Львиное Сердце. А событийная канва «Собора Парижской Богоматери» основана на исходной расстановке и противостоянии актантов: страсти Клода Фролло к Эсмеральде, равнодушии девушки к нему, любви-почитанию ее звонарем Квазимодо. Неожиданности (глухой Квазимодо защищает Эсмеральду от тех, кто хочет ее спасти, так как не понимает намерений осаждающих собор; отшельница удерживает девушку, отдавая людям короля и обрекая ее на виселицу, — и только в роковой момент узнает, что та — ее дочь, похищенная цыганами) заложены в исходной ситуации. Новизна — это обнаружение старой тайны. У Пушкина в «Капитанской дочке» дарение Гриневым заячьего тулупчика Пугачеву и мстительность ревнивого Швабрина обуславливают все дальнейшие перипетии романа. У Толстого же событие — это не-встреча Болконского с обидчиком Анатодем, не-убийство искусителя Наташи на поединке. Событие — это душевный перелом, преобразование, испытанные князем Андреем. В плане вероятностном тяжелое ранение Курагина во время кровопролитнейшей битвы, где использовались сотни артиллерийских орудий, как раз вполне предсказуемо, как и встреча с ним Болконского при Бородине. В плане нравственной оценки ранение, приводящее к смерти Анатоля, — мотив абсолютно

¹⁴ Ср. в связи с этим давнюю, но не утратившую ценности и оригинальности мысль Р.О. Якобсона о метонимии как принципе организации произведений, относимых к реализму. См.: [11, с. 387–393].

¹⁵ Романы этой разновидности строились по модели волшебной сказки, для которой характерна также остросюжетность. См. об этом: [7].

ясный: это возмездие. Но сцена в полевом госпитале не вытекает из расстановки персонажей в структуре произведения. И в этом смысле она случайна. Толстой переносит принципы так называемого реалистического романа на изображение истории. Для писателя внешним стимулом к включению нового события в структуру сюжета может быть что угодно, в том числе и какое-то прочитанное сочинение.

Конечно, книги братьев Глинок не являются актуальным подтекстом для «Войны и мира» не только в сцене ампутации ноги Анатолию Курагину, но и в тех фрагментах, где заимствования из них беспорядны. Как не относятся к литературному контексту и другие источники, из которых черпал Толстой: соотнесенность с ними, опознание связи с ними не могли входить в намерение автора; мало того, установление исследователями случаев такой соотнесенности, заимствований способно лишь разрушить целостное художественное впечатление от толстовской книги. Но все эти сочинения в целом образуют интертекстуальный фон, общее свойство которого – эстетизация войны. Фон, на котором очевидно своеобразие автора «Войны и мира» как писателя-баталиста.

Список литературы

1. *Апостолов Н.Н.* Лев Толстой над страницами истории: Историко-литературные наблюдения. М.: Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л.Н. Толстого, 1928. 296 с.
2. <*Глинка С.Н.*> Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб.: В типографии Императорской Российской академии, 1836. IV, XIV, V, 362 с.
3. <*Глинка Ф.Н.*> Очерки Бородинского сражения: (Вспоминания о 1812 годе). Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем Русского Офицера». М.: В типографии Николая Степанова, 1839. Ч. 1. VI+69 с.; ч. 2. 116+IV с.
4. *Зайденинур Э.Е.* «Война и мир» Л.Н. Толстого: Создание великой книги. М.: Книга, 1966. 403 с.
5. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 4-е изд. 1979. Т. 10: Письма / текст проверен и примечания составлены Л.Б. Модзалевским и И.М. Семенко под ред. Б.В. Томашевского. 711 с.

6. Ранчин А. Перекличка Камен: Филологические этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 656 с.
7. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л.: Наука, 1972. Т. 27: История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 284–320.
8. Соболев Л. Комментарий к книге Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб.: Нестор-История, 2021. 360 с.
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: [в 90 т.] / под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1928–1964.
10. Шкловский В. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, 1928. 251 с.
11. Якобсон Р.О. О художественном реализме // Якобсон Р.О. Работы по поэтике / вступит. ст. Вяч. Вс. Иванова; сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 387–393.

References

1. Apostolov, N.N. *Lev Tolstoi nad stranitsami istorii: Istoriko-literaturnye nablyudeniya* [Leo Tolstoy over the Pages of History: Historical and Literary Observations]. Moscow, Komissiya po oznamenuvaniyu stoletiya so dnya rozhdeniya L.N. Tolstogo Publ., 1928, 296 p. (In Russ.)
2. <Glinka, S.N.> *Zapiski o 1812 gode Sergeya Glinki, pervogo ratnika Moskovskogo opolcheniya* [Notes about 1812 by Sergei Glinka, the First Warrior of the Moscow Militia]. St Petersburg, V tipografii Imperatorskoi Rossiiskoi akademii Publ., 1836. IV, XIV, V, 362 p. (In Russ.)
3. <Glinka, F.N.> *Ocherki Borodinskogo srazheniya: (Vspominaniya o 1812 gode). Sochinenie F. Glinki, avtora "Pisem Russkogo Ofitsera"* [Sketches of the Battle of Borodino. (Memories of 1812). Composition by F. Glinka, Author of "Letters of a Russian Officer"]. Moscow, V tipografii Nikolaya Stepanova Publ., 1839, Vol. 1. VI+69 p.; vol. 2. 116+IV p.
4. Zaidenshnur, E.E. "Voina i mir" L.N. Tolstogo: Sozdanie velikoi knigi ["War and Peace" by L.N. Tolstoy. The Making of a Great Book]. Moscow, Kniga Publ., 1966, 403 p. (In Russ.)
5. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]: in 10 vols, ed. B.V. Tomashevskii, 4th ed. Leningrad, Nauka Publ., 1979, Vol. 10, ed. L.B. Modzalevskii, I.M. Semenko, 711 p. (In Russ.)

6. Ranchin, A. *Pereklichka Kamen: Filologicheskie etyudy* [*Roll Call of Camenas. Philological Studies*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 656 p. (In Russ.)
7. Smirnov, I.P. “Ot skazki k romanu” [“From Fairy Tale to Novel”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) Akademii nauk Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 27, pp. 284–320. (In Russ.)
8. Sobolev, L. *Kommentarii k knige L.N. Tolstogo “Voina i mir”* [*Commentary on the Book by L.N. Tolstoy “War and Peace”*]. St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, 360 p. (In Russ.)
9. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [*Complete Writings*]: [in 90 vols.], ed. V.G. Chertkov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1928–1964. (In Russ.)
10. Shklovskii, V. *Mater'yal i stil' v romane L'va Tolstogo “Voina i mir”* [*Material and Style in Leo Tolstoy's Novel “War and Peace”*]. Moscow, Federatsiya Publ., 1928, 251 p. (In Russ.)
11. Yakobson, R.O. “O khudozhestvennom realizme” [“About Artistic Realism”]. *Raboty po poetike* [*Works on Poetics*], ed. Vyach. Vs. Ivanov, M.L. Gasparov. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 387–393. (In Russ.)